

Эльдар Ахадов

БЫТИЕ

книга третья

Эльдар Ахадов

Бытие. Книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278619

ISBN 9785448558566

Аннотация

«Бытие. Книга третья» – состоит из разделов «Арабески памяти», «Странные сказки» и «Диалоги и наблюдения». В первом – мемуары, повествующие о событиях жизни автора и его знакомых, исторические и литературоведческие исследования писателя. Второй раздел посвящён философским сказкам и притчам, адресованным в основном зрелой аудитории. В третьем в форме лаконичных зарисовок и диалогов собраны различные меткие жизненные наблюдения.

Содержание

Предисловие	5
Арабески памяти	9
Неслучайные встречи	9
Прикосновение к вечности	12
Зинзивер – тайна Велимира Хлебникова	18
География языков древнего мира	25
Почему русские – русские?	27
Фритъоф Нансен и Степан Востротин	30
Свеча негасимая	36
Последний поклон	40
Тайна художника	45
Англичане на Байкале	52
Невидимые нити истории	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Бытие

Книга третья

Эльдар Ахадов

© Эльдар Ахадов, 2017

ISBN 978-5-4485-5856-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

У популярного литературного портала «45-я параллель» есть рубрика под названием «Новый Монтень». Мишель де Монтень – французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги «Опыты». Книга Монтеня «Опыты» отличается весьма своеобразной структурой. Никакого чёткого плана в ней нет, изложение подчиняется прихотливому извивам мысли, многочисленные цитаты чередуются и переплетаются с житейскими наблюдениями.

Очень короткие главы соседствуют с весьма пространными. Множество реминисценций из Монтеня можно обнаружить в творчестве Шекспира. Паскаль и Декарт спорили с ним. Вольтер его защищал. О нём писали, на него ссылались: Бэкон, Гассенди, Мальбранш, Боссюэ, Бейль, Монтескье, Дидро, Руссо, Ламетри, Пушкин, Герцен, Толстой...

Роман Эльдара Ахадова «Бытие» (в трёх книгах) с некоторой степенью условности можно отнести к литературным произведениям в стиле Мишеля де Монтеня. Структура романа также весьма своеобразна. В ней – множество героев современности и исторического прошлого, сентенций и размышлений, а главным героем является человек и его бытие в самом обширном смысле этого слова. Роман «Бытие» повествует о самых различных сторонах человеческого существования.

В первом томе представлены три раздела: собственно «Бытие», «Война и мир» и «В ожидании чуда». В первом разделе – художественно-философские размышления писателя о духовном и физическом мире, о том, что касается каждого человека. Второй раздел состоит из художественных рассказов о судьбах людей в военное и мирное время, а также из миниатюр о природе Крайнего Севера и Восточной Сибири. Третий раздел книги посвящён вечной теме человеческого бытия – любви.

«Бытие. Книга вторая» состоит из разделов «Размышления», «Тайны тайн» и «Странствия поэтов». В первом – продолжение раздумий писателя о духовной сути бытия, попытка осмысления физической и духовной сторон жизни человека и Вселенной. Второй раздел посвящён тайнам земного существования Иисуса Христа, Александра Пушкина и Девичьей башни. Третий – повествует о малоизвестных странствиях Лермонтова, Есенина, Гумилёва и событиях жизни других поэтов-странников.

«Бытие. Книга третья» – это «Арабески памяти», «Странные сказки» и «Диалоги и наблюдения». В первом – мемуары, повествующие о событиях жизни автора и его знакомых, исторические и литературоведческие исследования писателя. Второй раздел посвящён философским сказкам и притчам, адресованным в основном зрелой аудитории. В третьем в форме лаконичных зарисовок и диалогов собраны различные меткие жизненные наблюдения.

По мнению литературоведа Е. Канибалоцкой (Германия, Дрезден): «Бытие» Эльдара Ахадова (...) это созерцание, умопостижение, чувственное восприятие, проникновение в тайное и неведомое на основе собственного жизненного опыта автора. Это – грандиозная работа мысли и души личности, одарённой недюжинным талантом, интуицией, аналитическими и творческими способностями исследователя, учёного, философа, писателя, поэта. Это – глубокое и всестороннее знание предмета, о котором идёт речь».

Говоря о романе «Бытие», известный московский поэт и писатель А. Карпенко уточняет мысль Е. Канибалоцкой: «Ахадов часто парадоксален, в хорошем, пушкинском смысле этого слова; его парадоксы, как правило, залегают на большой глубине. Это не какое-то научное мудрствование: он говорит о том, что близко всем и каждому. Его философия чувственна. Мне приходит на ум поздняя книга Антуана де Сент-Экзюпери „Цитадель“, где автор так же глубоко пытался проникнуть в смысл жизни. Как у Экзюпери, так и у Ахадова это уже „итоговые“ мысли, результат напряжённой духовной работы нескольких десятилетий».

Профессор Н. Брагин отмечает: «Проза Эльдара, на мой взгляд, типичная проза поэта (...) наверное, не будет ошибкой назвать некоторые его миниатюры «стихотворениями в прозе». С ним согласен и А. Карпенко, утверждающий: «... повсюду у Эльдара поэзия! Всё дышит поэзией. У него поэзия – это не просто стихи, не просто поэтические изречения.

Это – неотъемлемая часть мировоззрения. И за всем этим – какая-то невероятная доброта. Доброта, пожалуй, неведомая даже Толстому с его подставленной щекой. Ахадов никому ничего не подставляет. Он просто любит этот мир, и никто не может лишить его этой вселенской любви ко всему живому и неживому».

Много лет назад, обращаясь к автору будущего романа «Бытие» один из читателей, Вячеслав Петров, написал в отзыве на его произведения: «Эльдар, все Ваши книги о юности, бытии, любви, грусти и боли можно объединить в одну книгу – Книгу Жизни». Предвидение читателя осуществилось спустя несколько десятилетий.

Резюмируя свои впечатления, А. Карпенко пишет о новой работе Эльдара Ахадова: «...мы встречаем очень интересный взгляд на мир – из вечности, которая будет уже после нас. Это, в сущности, „пастернаковский“ взгляд из „Доктора Живаго“, когда героя уже нет на этом свете, но он, тем не менее, есть».

Арабески памяти

Неслучайные встречи

Говорят, что случайных встреч не бывает. Каждая встреча – предопределена судьбой. Ираклий Андроников, Анна Ахматова, Булат Окуджава, Михаил Дудин, Рита Райт-Ковалева, семья Гессен, Сулейман Рустам, Валерий Золотухин, Ирина Апексимова, Тимур Зульфикаров, Виктор Астафьев... Благодарю судьбу за то, что она позволила мне так или иначе, но осязаемо, в сущностном своем проявлении почувствовать земное присутствие этих людей.

Первая встреча произошла для меня в таком юном возрасте, когда я ещё не запоминал дат. Традиционно, в первые выходные дни июля в Тарханах проводится всероссийский Лермонтовский праздник, в котором принимают участие деятели культуры и искусства. В эти дни организуются специальные автобусные маршруты из Пензы, чтобы все почитатели творчества М. Ю. Лермонтова могли посетить праздник. Дорога из Пензы в лермонтовские Тарханы, имение бабушки поэта, проходит мимо Ермоловки. Примерно с 1963 по 1974 годы в Ермоловке у своей бабушки очень часто находился я. Именно там, на перекрестке двух дорог впереди колонны автобусов встретился мне однажды летом

Ираклий Луарсабович Андроников...

Затем, в далеком 1979-м, невероятное стечение обстоятельств позволило моему стихотворению оказаться записанным на последней странице тетради стихов Анны Андреевны Ахматовой. Об этой удивительной реальной истории я писал отдельно. Поздняя осень 1980-го года озарила мою жизнь перепиской с Булатом Шалвовичем Окуджавой и Михаилом Александровичем Дудиным. Затем случилась встреча с писательницей и переводчиком Ритой Яковлевной Райт-Ковалевой, той самой, о которой писал Сергей Довлатов, и которая семь лет работала у легендарного русского физиолога Ивана Петровича Павлова. Но главное – она была другом Владимира Маяковского, Лили Брик и Бориса Пастернака и за чашкой чая рассказывала о них просто как о своих друзьях – Лиле, Володе и Боре. От тех встреч остался привкус ощущения, что и сами великие поэты находились тогда где-то рядом. Думал ли я, что вскоре судьба подарит мне ещё одну встречу – с ныне покойной Эстер Яковлевной Гессен, позволившую со временем стать другом семьи известнейшего в России пушкиноведа Арнольда Ильича Гессена...

В марте 1986 года у солнечного берега Каспийского моря виделся я в течение нескольких дней с легендарным поэтом Азербайджана Сулейманом Рустамом – в дни его юбилея – на даче моего учителя – поэта и переводчика Владимира Кафарова. Несколько лет назад мне запомнилась фраза из новогоднего фильма «Ёлки» о том, что все люди на земле зна-

комы друг другом через пять (или шесть) человек. Интересная цепочка получается: поэт Сулейман Рустам дружил с поэтом Алиагой Вахидом, а Вахид – с Сергеем Есениным...

В июне 1995-го в фойе московского театра на Таганке познакомился я с одетым в тот вечер в форму революционного матроса народным артистом России Валерием Сергеевичем Золотухиным, оставившим мне автограф на своей новой книге. Мог ли я догадываться тогда, что через 20 лет, в июне 2015 в московском саду «Эрмитаж» меня будет ждать новый директор театра на Таганке и великолепная актриса – Ирина Викторовна Апексимова. И не просто – ждать, а с новыми работами о Пушкине.

Мог ли знать я, зачитываясь в детстве бессмертными историями о Ходже Насреддине, что однажды подружусь с их потрясающим автором, звездой мировой величины – Тимуром Касымовичем Зульфикаровым... И, конечно, всегда буду помнить о великом русском писателе Викторе Петровиче Астафьеве, голосовавшем за моё вступление в красноярскую писательскую организацию, человеком, с которым доводилось общаться и до, и после того не раз...

Случайных встреч не бывает, каждая – предопределена судьбой. Искренне верю в это.

Прикосновение к вечности

воспоминание-легенда

об А.А.Ахматовой

Ощущение соприкосновения с душой Анны Андреевны, с её миром не покидает меня с той самого дня, когда случилась эта небольшая, реальная, несмотря ни на что, история.

Ахматова скончалась 5 марта 1966 года, в те времена, когда мне не исполнилось и шести лет. В таком возрасте я, увы, ещё не писал никаких стихов, хотя чтение любил и читал много. Естественно, в основном сказки. Стихи для меня начались с мая 1968 года.

В конце семидесятых годов, я, оказавшись в качестве студента горного института в городе на Неве, проживал в общежитии на том самом Васильевском острове, о котором Иосиф Бродский написал однажды: «Ни страны, ни погоды не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать...»

Несколько моих товарищей, так же как и я, занимавшихся в ту пору стихотворчеством и влюбленных в поэзию Ахматовой, как и в самый воздух Ленинграда, узнали от кого-то о том, что в Пушкине существует первый в стране, неофициальный музей Анны Андреевны. Разумеется, романтический флёр неофициальности, а значит почти подпольности

этого музея, явился для нас дополнительным стимулом, подвигнувшим к вылазке в бывшее Царское Село.

На дворе стояла замечательная тихая петербургская осень. С туманами. С пурпурно-золотым великолепием ухоженных парков и скверов Павловска и Царского Села. И вот мы, трое студентов, уже бродим по аллеям города Пушкина, и под легкий шум осенней листвы читаем друг другу по памяти бессмертные строки поэтов «Серебряного века». И, кажется, будто эти необыкновенные слова возникают сами собой, произносятся сами собой, как бы существуя вне времени под строгим и торжественным петербургским небом

Что представлял из себя в те годы музей Ахматовой, получивший в дальнейшем статус народного? Обратимся к документам...

Более тридцати лет в своей однокомнатной квартире бескорыстный и самоотверженный коллекционер Сергей Дмитриевич Умников скрупулезно собирал всё, что так или иначе относилось к жизни и творчеству великой Анны Ахматовой. Начало коллекции было заложено в те времена, когда имя Ахматовой упоминалось вскользь и с оглядкой, а уж о создании какого-либо музея и речи быть не могло!

Конец семидесятых годов прошлого столетия. Улица Вокзальная, дом 25. Сейчас эта улица носит гордое наименование Ахматовской. Если не знать точно, что именно в этом внешне ничем непримечательном жилом строении находится первый в мире музей русской поэтессы, то можно прой-

ти мимо. Но мы знали куда идем. Поднимаемся с парадного входа по скромной советской лестнице. Звоним. Дверь открывает пожилая женщина – смотритель. Собственно, здесь ещё нет никаких билетиков и вообще всё на общественных началах. Почему-то в тот момент вспоминались фильмы с эпизодами про заговорщиков, в которых настороженно-пронизывающие взгляды, щеколды и напряженно-тихий шепотом вопрос: «Вы от кого, товарищ?»

Нет, ничего такого, к счастью, не произошло. Две улыбчивые гостеприимные бабушки показали трем молодым джентльменам удивительную музейную экспозицию. Самого Сергея Дмитриевича на тот момент в квартире не было: возраст в который раз давал о себе знать очередной простудой. Пенсионеру, родившемуся в далеком 1902 году, и посвятившему десятки лет жизни подвижническому труду собирательства всего, что связано с именем Анны Андреевны, лишенного какой бы то ни было поддержки со стороны государства, приходилось нелегко. При этом нужно учитывать, что помимо коллекционирования Умников окончил сельскохозяйственный институт (ныне СПбГАУ), по окончании института защитил кандидатскую диссертацию, много лет работал ассистентом, а потом доцентом кафедры общего земледелия, то есть, отдал на благо того самого государства львиную долю своей жизни!

Помню, как глубоко поразило нас тогда обилие экспонатов музея-квартиры: дореволюционные экземпляры сти-

хотворных сборников начинающей поэтессы, поэтические книги более позднего периода творчества, изданные не только на русском, но и на немецком, английском, болгарском языках. Далее – сборники ахматовских переводов с норвежского, корейского, китайского, греческого... Труды, посвященные жизни и творчеству Ахматовой: В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, В. Виленкин, В. Виноградов, Э. Голлербах, Л. Чуковская, В. Мануйлов, А. Хейт, Б. Кац и Р. Тименчик, А. Павловский, Д. Хренков... И, конечно, обширные воспоминания о великой поэтессе XX века. Многие книги – с дарственными надписями авторов. А ещё – повсюду: множество фотографий: самой Анны Андреевны, ее родных и близких, друзей и современников. Мне особенно запомнилась одна из них: с мужем – гениальным поэтом Николаем Гумилевым и маленьким сыном Лёвой, будущим ученым-евразийцем, светилом мировой науки – Львом Николаевичем Гумилевым, несмотря ни на какие лишения и тюрьмы не предавшим ни памяти, ни имени своего отца!

Уже тогда нас поразили обширностью географии и количеством письма музею Сергея Дмитриевича. Среди их отправителей были и художники, и поэты, и актеры, и коллекционеры и просто почитатели гения Ахматовой. Говорят, что сейчас в музее хранится несколько толстенных книг отзывов, заполненных посетителями... В то время, когда мы посещали квартиру Умникова, таких книг там ещё не было.

В тот осенний вечер хранительницы памяти Ахматовой

(к сожалению, за давностью лет уже не помню их имен, а вот лица помню поныне!) пригласили нас немножко почаевничать. За чаем разговорились. Слово за слово – нас попросили почитать стихи. Естественно, мы охотно откликнулись.

Видимо, мои юношеские строчки чем-то понравились пожилым женщинам, тронули их, потому что помню, что когда мы уже собрались уходить, они настоятельно начали просить меня записать хотя бы одно из стихотворений. И проблем бы не было, если б не одна беда, от которой я зачастую страдаю и сейчас. Дело в том, что у меня хронически отсутствуют в карманах то бумага, то ручка или карандаш. А в половине случаев – не находится ни того, ни другого.

Вот и тогда не оказалось у меня с собой абсолютно ничего: ни клочка бумаги, ни писчего инструмента. Что делать? Авторучка у милых пожилых женщин все-таки нашлась. А вот с бумагой тоже оказались проблемы. На чужих книгах не станешь ведь писать? Нет. На музейных газетах, афишах и фотографиях – тоже. Наверное, какая-то книга учета посетителей у хозяина дома была, но... не было самого хозяина.

Наконец, одна из бабушек с сияющим лицом достала откуда-то из заглазничков музея обыкновенный блокнот (не альбом! Именно – блокнот!), заглянула в него и обнаружила, что последний листочек в нем не заполнен никаким текстом...

Там, второпях, не разглядывая ничего, чтобы не заставлять ждать своих товарищей, я и записал свой стих. Старушки поблагодарили нас, мы их, время было, может, и не позд-

нее, но осенью темнеет быстро, а до города нам ещё доехать надо... и тут вторая хранительница, собиравшаяся положить блокнот на место, обнаружила то, на что в спешке, увы, никто не обратил внимания! Мои стихи оказались записанными на последней странице ахматовского блокнота! Все остальные его страницы, оказывается, были заполнены почерком самой Анны Андреевны!

В прихожей перед дверью образовалась заминка. В воздухе повисло молчание. Вырвать, удалить, уничтожить листок? Совершенно невозможно: на передней его стороне – строки самой Анны Андреевны! Все переглянулись, не зная – что сказать, потом ещё раз тихо и торопливо попрощались.

...Сейчас, по прошествии почти сорока лет, я вспоминаю этот казус с огромной благодарностью судьбе, позволившей мне такую роскошную случайность: остаться навсегда в ахматовском блокноте! Это – как прикосновение к Вечности, как тайный знак, как напоминание о своей пожизненной ответственности перед Словом.

Кто знает, почему порой происходит такое? Иногда, в самые нелегкие мгновения своей жизни, мне кажется, что дух Анны Андреевны где-то рядом, что она не забыла о том юноше, который по неведению своему оставил свой след рядом со строчками, написанными её рукой...

И я снова улыбаюсь и думаю, что наша встреча с ней... всё-таки состоялась. Невзирая на время и пространство.

Зинзивер – тайна Велимира Хлебникова

Минуло более ста лет с той поры, как на свет появились удивительные строки стихотворения Велимира Хлебникова «Кузнечик», загадочностью своей и красотой неустанно волнующие сердца ценителей поэзии:

«Крылышкуя золотиписьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!»

Безусловно, наиболее любопытным персонажем описанного великим поэтом события является так называемый «зинзивер». Кто это? Откуда он взялся и чем именно занимается в данном случае? Каков его образ жизни?

Вероятно, многие полагают, что автор в данном случае воспользовался одной лишь силой своего могущественного воображения. Однако, к творению создателя «Трубы Гульмуллы», обладавшего математически выверенным логическим мышлением, а также дотошностью и скрупулёзностью

учёного во всём, что касалось любых, казалось бы малозначащих деталей описания состояний природы и души человеческой, мы обязаны отнестись с соответствующим вниманием, не поддаваясь искушению легкомысленных или недоверных выводов.

Зададим себе несколько наводящих вопросов, пусть даже у кого-то это и вызовет улыбку. Итак:

- Какое время года описано в стихотворении?
- К какому времени дня это относится?
- Что находится на описываемой территории?
- Что именно сделал зинзивер?
- В каких именно звуках это выразилось?
- Какие именно существа производят подобные действия в окружающей природе?
- При чем тут кузнечик?

Поэт даёт исчерпывающие ответы на все эти вопросы, несмотря на очевидную краткость и необычность исключительно талантливого изложения.

Действие происходит весной, не ранее конца марта и не позднее середины июня. Скорее всего – в мае.

Судя по последнему стихотворному восклицанию («озари!») – это либо рассветное, либо закатное время. Ориентируясь на поведение насекомого – закат.

Исходя из слов «прибрежных трав» и «лебедиво», место

действия находится неподалеку от водного объекта. И, скорее всего, данный объект – озеро.

Зинзивер «тарарахнул», то есть произвел некие звуки.

Для автора это событие было важным настолько, что он, не ограничиваясь самим фактом фиксации звукоиздания, подчеркивает это звуковоспроизведением: «пинь-пинь-пинь».

Подобные звуки в природе характерны для птиц.

Кузнечик относится к элементам естественной кормовой базы именно той птицы, о которой идёт речь!

Окончательно убедиться в том, что зинзивер – это птица, а также выяснить её породу можно, воспользовавшись конкретикой звуковоспроизведения как ключом к разгадке образа зинзивера. Вот что говорит по этому поводу современная орнитология:

Богатым голосовым репертуаром обладает Большая синица (лат. *Parus major*). Специалисты выделяют до 40 вариаций издаваемых ею звуков. При этом одна и та же особь одновременно способна чередовать три – пять вариантов, различных по ритму, тембру, относительной высоте звуков и количеству слогов. Особенно активен самец, поющий в течение почти всего года, за исключением поздней осени и ранней зимы.

В нашем случае время года – май. Зинзивер по версии Хлебникова – существо мужского рода («тарарахнул»), то есть, явно – самец. Теперь обратим внимание на то, какие собственно звуки характерны для данной породы птиц.

Итак, песня – громкий перезвон «ци-ци-ци-пи», «ин-чи-ин-чи», крик – звонкое «пинь-пинь-чрррж». Весной однообразная песня «зин-зи-вер», «зинь-зинь». Синица-самец то нежно и тихо посвистывает, то ведет громкую переключку: «пинь-пинь-пинь», напоминая зяблика, то испуганно трещит: «пинь-тарара» или с бесконечными интонациями повторяет характерный двухсложный посвист: «фи-фи». В конце зимы, приблизительно с февраля, большие синицы становятся оживлённее. В оттепель уже слышится их двух – или трёхсложный напев – ритмичное повторение звенящих или иногда как бы «звякающих» звуков («ци-ци-фи-ци-ци-фи» или «цу-ви-цу-ви-цу-ви»).

У каждого певца – индивидуальная своеобразная интонация. День за днём эти напевы становятся громче и длиннее, невольно привлекая внимание своей оригинальностью. Аналогичное стрекотание имеется и у зяблика, однако для синицы характерен гораздо более звонкий тембр. Песня часто звучит при общении между членами пары, либо когда птица возбуждена. Кроме собственно пения, имеется и так называемая подпесня – мелодичное тихое щебетание, «мурлыканье», однако, оно чаще всего исполняется в феврале или марте, а значит, не относится к тому периоду, который описывается в стихотворении Велимира Хлебникова.

Обратите внимание на то, что даже само слово «зинзи-вер» – явное звукоподражание пению не вообще какой-либо птицы, а конкретно именно Большой синицы (лат. *Parus*

тајог) и именно – в весенний период, когда корм (кузнечик) чрезвычайно важен для обеспечения потомства богатой микроэлементами (прибрежные травы, уложенные в кузов пуза) свежей пищей! Кстати, звуки «пинь-пинь-пинь» и «пинь-тарара» произносятся синицами только в моменты крайнего волнения.

Отметим также, что в период размножения Большая синица питается мелкими беспозвоночными и их личинками, уничтожая большое количество лесных вредителей. Основу корма в этот период составляют гусеницы бабочек, пауки, долгоносики и другие жуки, двукрылые (мухи, комары, мошки) и полужесткокрылые (клопы, тля и т.д.). Также употребляет синица в пищу и прямокрылых (кузнечиков, сверчков), как и происходит в стихотворении Хлебникова «Кузнечик». Отметим также, что весной Большая синица зачастую охотится и на нетопырей *Pipistrellus pipistrellus*, которые именно в этот период после зимней спячки ещё малоподвижны.

Таким образом, на примере маленького стихотворения мы имели возможность ещё раз убедиться в том, что поэт Велимир Хлебников обладал не просто наблюдательностью истинного поэта, но и весьма обширными познаниями в научном и просветительском отношении.

Проводя ассоциативную связь с праздниками древнеславянского народного календаря, можно отметить, что 12 ноября в народном календаре – это Синичкин праздник, при том, что сама синичка в старину именовалась «зинькой»,

«синюшкой», «зинзивером». В православные времена синичкин день стал называться днем Зиновия, епископа Эгейского, и Зиновии, с той поры этот день так и именуется «Зиновием-синичником». Учитывая тот факт, что отец Велемира Хлебникова был профессиональным орнитологом, нетрудно догадаться о происхождении интереса и специальных знаний поэта в этой области.

Сюжетными коллизиями именно этого стихотворения много лет назад я и воспользовался, посвящая памяти поэта стихотворение, позднее опубликованное в первом томе моего собрания сочинений (стр. 33, Т. 1, Поэзия, 2011 г., Ливны, издатель Мухаметов Г. В., ISBN 978—5—904246—20—4):

Памяти В. Хлебникова

Веет вечер-зинзивер:
Веер-ветер-велемир...
Индивеет индивер,
Засыпает зинзилир.
Зимневееет и звенит.
Зинзивает и скользит.
Сквозникают сквозничи,
И чихают чихачи!
У свечи —
За тенью тень —
Зинь-зивень...
Зивень.
Зи-

Вень...

География языков древнего мира

География древнего мира не совпадала с нынешней. Туркмены никогда не были мореходами, однако в тот период, когда они переселились в Азербайджан, им не было нужды далеко ходить: от Апшеронского полуострова до берегов Туркмении простиралась песчаная коса! Они просто перешли по ней. Во времена Александра Македонского реально существовал водный путь из Греции в Афганистан, потому что из Азовского моря можно было доплыть до Волги, а Амударья, начинающаяся в Афганистане, через Узбой впадала в Каспийское море! Все это говорит о том, что народы древности общались между собой, не были изолированными социумами, а значит, и их языки в процессе этногенеза имели возможность влиять друг на друга. И даже перетекать из одной местности в другую вместе со своими носителями!

Что общего между басками и баскаками? Правильно: ничего. Ничего общего, если иметь в виду людей, которых называют так. Но если иметь в виду слова, то общее почти всё, у баскаков – на две буквы больше. Зато между словами баски и грузины – общего почти ничего (кроме буквы «и») нет. И географически между этими народами очень большая разница. Баски живут на севере Испании, а грузины – на Кавказе. Зато в языках этих народов общего очень много. По баски «половина» – ерди. По-грузински – гверди.

«Колесо» по-баскски – бирибил, по-грузински – борбали. «Ключ» по-баскски – килца, по-грузински – клите. «Десять» по-баскски – огец, по-грузински – оц, «двадцать» по-баскски – амар, по-грузински – ати. Чем объяснить, что и в Басконии, и в Грузии одинаково или почти одинаково звучат слова: вершина – долина – колесо – народ – мужество, как бы подсказывая мысль о давнем, далеком переходе? И пшеницу тоже называют одинаково.

Исследователь этой взаимосвязи Ш.В.Хведелидзе пишет: «Грузинское слово „Пиренети“ обозначает „по ту сторону (хребта) “. Можно легко провести параллель с Пиренейским хребтом, особенно если учесть, что иберы поселились и по эту и по ту стороны горы (Французская Гаскония). Относительно „Рио“. Известно, что на испанском языке это слово означает реку. Так же называется и самая большая река в Западной Грузии (б. Иберии). И хотя до нас её название дошло как Риони, это ничего не значит, так как окончание „ни“ характерно для грузинской топонимики (Алвани, Кавкасиони, Сини и др.).»

Из всего этого неминуемо следует, что у этих народов единые корни.

Археология может ошибаться, а корни языка – никогда. В прошлом баски и грузины имели общего предка: древний народ, подаривший и тем и другим один язык... Великий древний народ, имени которого мы, увы, даже не знаем....

Почему русские – русские?

Живут в Швеции шведы, во Франции – французы, в Англии – англичане. В Белой Руси – белорусы. А значит, на Руси – русы или русские, а в устной речи – руськие. Что это значит? Почему для народов других стран названия – существительные, а для России – прилагательное? Долго эту загадку можно разгадывать, если не знать, что у слова «русь» есть второе значение – «свет», «светлое». Выйти на русь – в древности значило выйти на светлое место, солнечное. И русые – это синоним слова русские, то есть, русоволосые.

«Пришел Рюрик в Новгород со всей русью» – не с племенем, не с армией, а с русоволосыми людьми. У Пушкина «русалки на ветвях сидят» – никаких рыбьих хвостов, никакой чешуи: просто русоволосые девушки. Сидят, песни поют, смеются. Почему в бескрайней ненецкой тундре одна из рек называется Русской? Всё просто: «русское» значит «светлое»: и речка, и речь, и земля, и человек...

«Я доволен своей судьбой. Я был со своим народом и переживал то, что переживал мой народ». Так сказал через много лет бывший рядовой Великой Отечественной войны, простой русский солдат, взявший Берлин, Лев Николаевич Гумилёв. Человек, полжизни проведший в тюрьме и ссылке по большому счету лишь за то, что был сыном своего отца, расстрелянного поэта – Николая Степановича Гумилева, вся

вина которого заключалась в том, что он, дорожа честью русского офицера и дворянина, отказался стать доносчиком.

«Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...»

Так писала Анна Ахматова, мать Льва Николаевича, сотни часов проведенная перед тюремными стенами, пытаясь узнать о судьбе сына. Для них обоих спасти русский мир, сохранить русское слово – было задачей несравнимо более важной, чем все личные горести. И не только для них.

Сярати (Антон Петрович) Пырерка – первый в истории ненецкого народа ученый-филолог, создатель письменности ненецкого языка и первых переводов на него произведений Пушкина, ушел добровольцем на фронт и погиб на защите блокадного Ленинграда, на защите русского языка. И не только он. Многие. Нет им числа.

Крохотный народ, проживающий в Сибири, тофалары, отправил на войну всего 54 добровольца, 54 охотника и кормильца семьи. Вроде бы совсем немного. В сравнении с другими народами. Но для тофалар это был поступок беспримерного мужества. Они знали, что если охотники не вернутся живыми, у народа нет шансов продолжить свое существование, некому продолжать род... Две трети охотников не вернулись...

Там, на большой войне против общего врага, все народы, маленькие и большие, стояли стеной за одну общую Родину. И враги всех их называли одинаково: русские...

Русские – значит светлые, чистые душой, божьи люди.

Фритьоф Нансен и Степан Востротин

*Памяти Галины Константиновны Назаровой,
Степана Васильевича Востротина и Фритьофа
Нансена посвящается...*

Десять лет – с 2000 по 2010 годы – я руководил литературной студией «Былина» в красноярской краевой специальной библиотеке – центре социокультурной реабилитации инвалидов по зрению. На прощание в присутствии всех моих подопечных мне было вручено благодарственное письмо, текст которого до сих пор трогает моё сердце. А тогда, при его вручении, у многих из присутствующих при этом событии, в том числе и у меня самого, на глазах были слёзы.

Вот его текст: «Благодарственное письмо Эльдару Алихановичу Ахадову, руководителю литературного объединения „Былина“ – за многолетнее плодотворное сотрудничество в социокультурной реабилитации инвалидов по зрению. Вы помогали людям с ограниченными возможностями зрения осознавать себя творческими личностями, обретать уверенность в себе, преодолевать многие трудности. Выражаем Вам уважение и признательность...» Для меня эти слова, сказанные от лица тех незрячих и слабовидящих, с которыми мы за 10 лет творческой работы стали одной семьёй, дороже медали, а может быть, и ордена, ибо в них – душа. Я писал

о них в рассказе «Источник света», где рассказывал о каждом из незрячих и слабовидящих поэтов и прозаиков «Былины».

Есть в нём и строки о самой пожилой участнице студии – Галине Константиновне Назаровой, глубине памяти которой остаётся лишь поражаться. Галина Константиновна Назарова родилась в 1919 году. Окончила физмат ленинградского пединститута, участвовала в обороне Ленинграда. Блокадница, всего-то ей в жизни досталось, не позавидуешь. Но память, смею заверить, – потрясающая! Как-то на занятиях «Былины» в пылу полемики она запросто, наизусть, прочитала полный текст одной из передовых статей газеты «Комсомольская правда» за 1937-й год! Причём, назвала и дату! Увы, даже я не сумел её запомнить.

8 мая 2015 года Галины Константиновны не стало... Я счастлив тем, что успел пообщаться с этой уникальной женщиной, у которой удивительна не только её личная судьба, но и судьба её рода, некоторые страницы истории которого невероятным образом переплетены со страницами биографии великого норвежского полярного исследователя и путешественника Фритъофа Нансена!

Фритъоф Нансен (норв. Fridtjof Nansen) в 1913 году неожиданно для своих друзей отправился в Сибирь. Однако, неожиданным это решение было не для всех. Действительный член Императорского русского географического общества Степан Васильевич Востротин – депутат Государствен-

ной Думы нескольких созывов и городской голова города Енисейска – по поручению российского правительства обратился к всемирно известному арктическому путешественнику – норвежцу Фритьофу Нансену с предложением пройти на корабле Северным морским путём от Норвегии до острова Диксон.

Степан Востротин происходил из рода сибирских золото-промышленников и купцов, имел высшее университетское образование, учился в Париже, свободно владел европейскими языками и главное – был абсолютно убеждённым сторонником ломоносовской идеи о прирастании российского могущества Сибирью. А для этого стране нужен был Северный морской путь.

Нансен и Востротин вместе отправляются в далёкое и опасное путешествие на корабле «Коррект». На тринадцатый день плавания «Коррект» достиг острова Диксон и вошел в Енисейский залив. За время путешествия Нансен и Востротин сдружились настолько, что Степану Васильевичу удалось убедить своего норвежского друга отпустить «Коррект» с грузом в обратный путь, а самому пересестись на русское экспедиционное судно «Омуть» и направиться вверх по Енисею до родного для Востротина города Енисейска.

21 сентября 1913 года Фритьоф Нансен пишет в своем дневнике: «Около часу дня мы начали различать колокольни, а по мере приближения над рекой стали вырастать

зелёные и золотые купола и белые стены церквей». Это был купола церквей Енисейска.

В городе Нансен остановился в доме Анастасии Алексеевны Кытмановой, принявшей гостей, по словам путешественника, «с чисто сибирским радушием». Посетив почту и телеграф, путешественник на следующий день побывал в мужской гимназии и городском краеведческом музее. В здании мужской гимназии Нансен прочитал горожанам лекцию о своих полярных исследованиях, после чего для гостя и товарищей по экспедиции был устроен торжественный приём. Это было 22 сентября, а 23-го, после посещения женской гимназии и прощального осмотра экспонатов городского музея, Фритъёф Нансен вечерним почтовым тарантасом отбыл со своими спутниками в Красноярск.

Об этом и многом другом мне стало известно из устных рассказов и записанных воспоминаний Галины Константиновны Назаровой (в девичестве Михайловой), поскольку Василий Васильевич Востротин был её дедом, а Степан Васильевич, друг Фритъёфа Нансена, – родным братом её деда. По словам Галины Константиновны, экспедиция Нансена и настойчивость Степана Васильевича Востротина использовать Северный морской путь для торговли с Европой способствовали открытию в 1915 году норвежской компанией перевозки большого количества грузов из Англии и Америки в Сибирь через Скандинавию и Карское море».

В такие минуты, когда, казалось бы, о невероятно далё-

ком во времени и пространстве легендарном человеке кто-то рядом с тобой повествует обыденным голосом, как о ещё одном знакомом своего деда и приятеле его брата, невольно ощущаешь почти физическую близость тех людей и событий, ожившую связь времён...

К сожалению, вскоре в России началась череда революций, а следом – гражданская война. Степан Васильевич был вынужден эмигрировать в Манчжурию и скончался на чужбине. Лишь в 2011 году его прах был перезахоронен в родном Енисейске. Фритьоф Нансен после своего путешествия по Енисею написал книгу «В страну будущего». В ней есть такие строки: «...будущее Сибири включает в себе неограниченные возможности.... Настанет время, она проснётся, проявит скрытые силы, и мы услышим новое слово о Сибири, у неё есть своё будущее, в этом не может быть никакого сомнения...» В 1922 году Нансену была вручена медаль лауреата Нобелевской премии мира. Скончался великий путешественник в 1930 году.

На фотографиях, имеющих в моём архиве:

Приезд Фритьофа Нансена в Енисейск (в центре на фото в белой шляпе).

Справа от Нансена – Степан Васильевич Востротин.

За спиной Нансена, слева, в шляпе – Василий Васильевич Востротин, дед Галины Константиновны Назаровой.

Галина Константиновна Назарова.

После занятия в литературной студии для незрячих и слабовидящих. В центре стою я. Слева, у края стола сидит Галина Константиновна Назарова.

Свеча негасимая

Не знаю, уж в который раз обращаюсь к вечно измучивающему меня вопросу: зачем нужно писать стихи, да и нужно ли это кому-либо вообще?... Меня ли одного мытарит этот вопрос, не давая спать ни разуму, ни душе моей? Наверное, не только меня, наверное, и других всех, кто пробовал и пробует слагать строчки в стихи.

Господи, какая же сила нами движет? Зачем нам это? И если действительно это зачем-то нужно, то почему и мне выпало нести эту ношу? Мне-то, мне-то за что? За что?!..

Мало мне по жизни доставалось? Мало било и ломало повсякому? Ведь и не держит же тебя никто за руку: так ты брось тогда, не пиши, забудь навсегда!.. А не забывается никак. И пишется несмотря ни на что. Как будто помимо воли своей какую-то Иную, не подвластную, управляющую Волю исполняет неугомонная душа, руки и глаза мои исполняют...

Видит Бог, никогда я не знал и доньше не знаю ответа ни на один из этих вопросов. Знаю, что не одного только меня они донимают. А на днях попалась мне в руки книга Виктора Петровича Астафьева «Затеси». Много там хорошего писано, многое мгновенно и, думаю, что навсегда, отложилось теперь в сердце. И кроме прочего всего – его раздумья о поэзии. Лучше этих душевных строк, я до сих пор не читал, потому и с вами хочу поделиться...

«Талант – это сила. И сила могучая, мучительная к тому же, и не всегда талант попадает в тару, ему соответственную, иную тару огромный талант рвёт, будто селёдочную бочку, в щепу, в иной таре задыхается, прокисает...» (На мой взгляд тара эта – душа и судьба человеческая. Э.А.)

«Всякий дар мучителен, но мучительней поэтического дара, однако, нет на свете».

«У избранных и муки избранные, отдельные. Их судьба не всякому разуму по силам. Завидуйте, люди, поэтам, завидуйте, они так красиво, так весело, беззаботно проживают свою жизнь, но научитесь их прощать за то, что беря на себя непомерный груз мучений и любви, они помогают вам быть лучше, жить легче и красивше. За сердечный уют ваш, за житейскую комфортность кто-то несёт тяжкий крест скитальца, ищущего и никак не могущего найти пристань в этом бесприютном мире... мятущейся душе не найти ни покоя, ни уюта, и мучения её, и тоска – это поэтовый удел, и он всевечен.

Не из радости, а из мук, из горя рождается истинная русская поэзия. Оттого её так много на Руси горькой. Оттого и жалеют, и ненавидят здесь поэтов, оттого и любят, и мучают их, часто до ранней смерти залюбливая...»

«И жизни нет конца, и мукам – краю,» – всевечная память поэту, изрекшему эти великие слова, летящие во времени вместе с нами.»

«Никто не бывает так наивен и доверчив, как поэт. За сотни лет до нынешнего просвещённого и жестокого времени стихосочинителя карали, жгли, забивали плетью, отсекали головы, убивали из пистолетов на дуэли, а он всё прёт и прёт навстречу ветрам, певец и мученик, надеясь, что ветры пролетят над ним, беды минуют его.

И не только в защиту себя, для спасения души своей в этой мятущейся жизни трудится стихотворец, он верит, что слово его спасёт мир от бурь и потрясений и, если не закроет человека от невзгод и бед, свалившихся на него, то хотя бы утешит. И так было всегда – поэзией двигала вера в доброту и милосердие, поэт и музыкант всех ближе к небу и Богу.»

Отгремели с месяц назад пышные и бестолковые, как всегда, казённые торжества по случаю астафьевского юбилея. Поразъехалась чиновная и околокультурная братия из Овсянки, родины Виктора Петровича, где бывал я не так ещё давно при его жизни... Не хотелось мне там в то время топтаться в общей бестолковой куче, а свидеться с памятью о нем, по совести чувствовал – нужно бы... Потому, когда выпала такая оказия – посетить Овсянку с незрячими стихотворцами-любителями из литературной студии слепых поэтов, да и предложили они мне это сами, – съездил...

В тот день, едва мы оторвались от города, начал крапать дождичек. Пока в библиотеку-музей сходили, пока с экскурсоводом побеседовали, пока к родному дому писателя подь-

ехали, — дождичек превратился в дождь уже приличный... Не стану ничего пересказывать, слишком много воспоминаний нахлынуло там. Вспомнился его негромкий живой мужицкий голос, его взгляд — глубокий и мудрый взгляд человека, столько всего на свете белом перевидавшего... Горьки и светлы те воспоминания, где-то в области сердца остались они навеки...

Напоследок проехали мы на кладбище, подошли к черным могильным плитам, под которыми лежат Виктор Петрович и дочка его Ирина. И, хотя дождь не умолкал, решили пусть на мгновение, но возжечь и поставить у изголовья великого писателя простую тонкую восковую свечу, какие часто ставят в церквях перед ликами. Зажгли. Поставили. Стоим... А свеча-то не гаснет! Люди добрые, ведь это же чудо какое-то: ветер сквозит, дождь идёт, а... свеча не гаснет!..

В тот же миг ноги сами — как приросли к святому для всех месту...

Свеча догорела до конца, так и не погашенная ни дождевыми каплями, не ветром...

Последний поклон (воспоминания о В. П. Астафьеве)

*«Эльдару Ахадову с поклоном
и на добрую память
Виктор Астафьев, 14.02. 2000 г.»
(надпись на книге)*

Мысль записать то, что сохранилось в моей памяти о встречах с Виктором Петровичем, появилась у меня практически сразу же после известия о кончине великого русского писателя. Да, всё никак не мог заставить себя собраться, только теперь, спустя несколько месяцев после похорон...

Каким же он запомнился мне? Весёлым. Его жизнерадостный от сердца открытый смех помню очень хорошо.

В декабре 1995 года в новом помещении редакции литературного журнала «День и ночь» от всей души развеселил его мой застольный рассказ о первом знакомстве с Сибирью. Беседовали мы довольно долго, Виктору Петровичу кто-то пытался напомнить о времени, да он всё отмахивался. Впрочем, я и сам, увлекшись своим рассказом, сгоряча так и не заметил сновавших вокруг нас телевизионщиков. Только после, уже дома – увидел фрагмент нашей беседы с Астафьевым по телевизору. Видимо повествование о моих приключениях пришлось ему по душе: отборного коньячку

по ходу дела он улыбаясь подливал сам... Ещё от той нашей встречи у меня сохранилась первая подписанная самим писателем книга.

Помню Виктора Петровича взволнованным и растроганным. Это было на церемонии посвящения в лицеисты одаренных ребят из Красноярского литературного лицея.

Вокруг писателя всегда вращались разные люди: чиновники от литературы и просто чиновники, литераторы, которым что-нибудь нужно было от него, просто восторженные поклонники и поклонницы.

Быть назойливым – не в моем характере. От того, что ни разу я не навязал ему своего присутствия, непосредственное общение с ним, было для меня бесценным, ибо случалось оно только естественным ненамеренным образом. А в тот раз наши места в актовом зале дома Союза Писателей случайно оказались рядом: он поздоровался и присел справа возле меня. Выступления юных лицеистов, церемония их награждения, посвящение в лицеисты новичков и само вручение учебных билетов ребятишкам – дела, которыми в тот день пришлось отчасти заниматься и самому Виктору Петровичу, всерьёз взволновали его. У него было доброе отзывчивое сердце...

После того, как молодежь ушла, на чаепитии с Виктором Петровичем осталось несколько красноярских писателей и педагогов литературного лицея. Были Михаил Успенский, Сергей Задереев, Марина Саввиных, ещё несколько

человек. Рассказывал он тогда о том, как разные политически ангажированные местные и московские организации постоянно обращаются к нему с просьбами высказаться по тому или иному событию, поддержать их позиции, и о том, как он устал от всего этого, постоянно отказываясь участвовать в этих сиюминутных игрищах...

Ещё помню великого писателя огорченным до глубины души после заседания писательской организации, на котором как-то разом вылезли наружу все накопившиеся противоречия, взаимные обиды, обнаружился раскол в писательских рядах...

Виктору Петровичу было уже нелегко ходить. Он вышел, опираясь на палочку, встал перед всем обществом и в качестве аргумента против раскола организации зачитал отрывок статьи Валентина Курбатова. Я помню его резкий и гневный голос в тот вечер.

А ещё я помню Астафьева одиноким. Это было после торжественного праздничного концерта в Большом Концертном Зале города. Концерт был посвящен двухсотлетию со дня рождения другого великого русского писателя и поэта – Александра Сергеевича Пушкина. В зале присутствовали потомки Пушкина со всего мира, было множество людей из местной и приезжей культурной элиты общества, руководители города и края. И вот по окончании действия, когда народ стал расходиться, получилось так, что я поотстал от схлынувшей уже из зала толпы, увлекшись беседой

с одним из потомков Александра Сергеевича, приехавшего из Иркутской области.

В холле было уже наполовину пусто, когда я неожиданно для себя заметил впереди одинокую фигуру опирающегося на трость, медленно и тяжело идущего пожилого человека. Это был Виктор Петрович Астафьев.

Помню, как поразила меня эта одинокость, тем более удивительная при том обилии людей бомонда и временщиков разного толка, которые постоянно вились вокруг!.. Никто не предложил ему помощи, никто вроде как... не заметил его! При том ажиотаже вокруг его имени, который ощущался все время, это было невообразимо, но... Он был ОДИНОК. И ни одна живая душа этого не заметила в тот ликующий праздничный день.

Помню нашу с ним короткую беседу в день Победы. Мы сидели рядом на одном бежевом диване в кабинете председателя писательской организации. Он пригубил вина за ту самую Победу, за которую заплатил когда-то собственной кровью, и сидел, тихий, задумавшийся о чем-то, о своём...

Все знали, какую тяжелую борьбу вел он в то время со своими болезнями, как держался на одном только своём несломленном великом духе.

Мне захотелось как-то приободрить, поддержать Виктора Петровича. Я спросил у Астафьева насколько интересно ему жить в нынешнее время, когда каждый день приносит что-то новое в жизнь общества, страны и мира в целом. И вдруг

услышал в ответ совсем не то, что ожидал... «Нет,» – сказал Виктор Петрович, – «Всё уже было в моей жизни и ничего интересного или нового, кроме давно мной ожидаемого и предвиденного не будет. Одно только меня радует по-прежнему: Это когда солнышко утром восходит и птички поют...» И столько было мудрого спокойствия в этих его словах, что запомнились они мне с той поры на всю жизнь.

Я не знаю: читал ли Виктор Петрович мою книгу, которую я передал его супруге Марии Семёновне, заглянув однажды в их всегда гостеприимный дом в Академгородке. Надеюсь, что успел полистать, Он тогда лежал в больнице после очередного кризиса. Мария Семёновна поблагодарила меня, участливо спросив о трудностях с финансированием издания поэтических произведений.

А книга называлась «Вся жизнь», в память о той нашей беседе с Виктором Петровичем.

Тайна художника

Памяти моего друга

– заслуженного художника России

Валерия Александровича Пилипчука

Целый период жизни заслуженного художника России красноярца Валерия Александровича Пилипчука был посвящен разгадке посланий древних людей, зашифрованных в камнях Хакасии, в том числе и в так называемом «Аскизском яйце».

«Всё начинается с яйца», – считалось в глубокую старину. Когда-то на Востоке оно было символом вечности и олицетворением центра мироздания. Доказательством тому служит и обнаруженный в Хакасии уникальный памятник археологии – миниатюрное каменное изваяние яйцевидной формы, покрытое неразгаданными доселе образами и письменами. Ученые нарекли его «Аскизским яйцом», хотя есть у него и старинное тюркское название: «Кезе паласы» – ребёнок духа.

Сибирский живописец воспринял «Аскизское яйцо», как некое послание древних цивилизаций о непрерывной пульсации жизни в четвёртом измерении Вселенной (то есть во времени). Не понаслышке знакомый с результатами экспедиций профессора Мулдашева в Тибет в поисках следов

цивилизаций, предшествовавших человеческой, художник полагает, что цивилизация, обитавшая когда-то на территории южной Сибири, обладала мощнейшими знаниями и духовностью... Словно частицы разума в безднах космоса – стоят на вершинах степных холмов загадочные каменные изваяния – менгиры, а ниже – по голым склонам и ложбинам виднеются, группы камней – балбалы...

Первое впечатление о том, что это – могильные камни, – обывательское заблуждение. На самом деле каждый каменный балбал символизирует поверженного древним хакасским рыцарем врага. Чем их было больше, тем более прославленным считался победитель. А каждый менгир – как полагает живописец, это письмо предков, обращенное в будущее, возможно и не к нам даже, а к тем, кто придет после... По мнению некоторых исследователей: над каждым менгиром, существует невидимый энергетический столб, устремленный в небо, связующий землю и космос.

Древние культуры великолепно владели языком символов, смысл которых, увы, теперь почти утрачен. Мы лишь строим гипотезы о значении многих из них. И только некоторые из знаков всё ещё открыты для нас. Например, изображение триквестра-трилистника – один из излюбленных мотивов картин Валерия Александровича... Три ветви трилистника – наиболее известный из знаков Вечности. Трилистник – растение, которое выпустило три листа – уже не умрет, не засохнет, даст плоды. Семья, состоящая мини-

мум из трех человек – это семья, в которой есть ребёнок, продолжение рода, надежда на будущее... С изображениями триквестра-трилистника Пилипчук столкнулся впервые при изучении древних культур южной Сибири. Они были обнаружены археологами на кнопках бронзовых зеркал тагарской культуры (Хакасия). Изображен трилистник и на серебряной бляшке, найденной в алтайском кургане близ села Курай, а также на перстне из Сибирской коллекции Петра I. Особенно богато этим знаком декоративно-прикладное искусство Тувы...

«Я – художник, – говорит Пилипчук, – «и, как художник, воспринимаю окружающую действительность творчески: отражая свои ощущения, догадки, прозрения в живописных полотнах. Это касается и работ, посвященных письмам. Так, например, у меня есть работа, на которой я изобразил древние надписи и рисунки, как... карту звёздного неба! Ведь тогда классические очертания созвездий, придуманные греками в другое время и в других местах, – не были известны здесь, в Сибири, и древний человек изображал небо таким, каким оно представлялось только ему, и сам давал звёздам и созвездиям имена.»

Скорее всего, именно творческая страсть к постижению глубинных связей человека с космической природой Земли и привела Пилипчука несколько лет назад из хакасских степей на север Африки к египетским пирамидам. Там, однажды, не удовольствовавшись внешним осмотром, он вошел

в темные глубины пирамиды Хеопса и внезапно явственно ощутил незримое присутствие чего-то такого, о чем издревле не принято говорить вслух, ибо Оно – «не от мира сего»... «Да! Там действительно было Нечто!» – восклицает художник, вспоминая об этом сейчас. Ощущение абсолютной тьмы, какой никогда не бывает на открытом воздухе, и в то же время – безграничного космического пространства, пронизанного... материнской добротой. Так, словно за тобой постоянно следит кто-то очень добрый, родной и бесконечно огромный... В одно мгновение словно гигантская невидимая волна поглотила сознание художника... Очнувшись и уже стоя у входа – возле первой ступени пирамиды, он пытался осознать, что же с ним произошло Там. Он был не в силах даже рукой дотянуться до верхушки самого нижнего из «кирпичиков». После посещения каменного карьера, где «кирпичики» якобы добывались египетскими рабами, он вдруг понял раз и навсегда, что камни эти вырезаны и сложены в пирамиды вовсе не человеческими руками. Истинное предназначение пирамид, крупнейшие из которых (многокилометровой высоты – с горами, напоминающими параболические зеркала!) были обнаружены экспедицией Мулдашева в Тибете, человечеству неизвестно доныне: уверен Пилипчук.

Возможно, воспоминания о том случае отразились в картинах «Взгляд из пирамиды», «Спираль времени», «Путь Пришельца», «Пирамида Времени», «Параллельные миры»,

«Искривленное пространство», а тема космического разума навсегда вошла в творчество художника. От картин Пилипчука веет присутствием иных пространств и миров: образы, создаваемые им, практически всегда стоят на грани зримой реалистичности изображаемого с невидимой, но явственно ощутимой сверхъестественностью события, которое происходит всегда, которое здесь и сейчас, и потому – вечно...

Отныне, какую бы картину ни создавала рука художника, на его полотнах рождалось нечто ЖИВОЕ...

Вот к примеру, картина «Айсберг»: чем больше вглядываешься в очертания одинокого гигантского айсберга в океане, тем явственней они трансформируются в некую космическую пирамиду, летящую в бездне Вселенной, и на глазах превращающуюся в лицо древнего загадочного седобородого и седовласого старца... Так, постоянное близкое общение с древней культурой Сибири придало многогранность и многоплановость образам, создаваемым художником. Кстати, некоторых надписей и рисунков на древних хакасских камнях, запечатленных им когда-то с фотографической точностью, уже не существует в природе: увы, они навсегда уничтожены «заботливыми» руками современных варваров. Таким образом, картины мастера неожиданно для себя обрели ценность и уникальность археологических документов.

Полотна художника оставляют впечатление живых существ, которые постоянно наблюдают за нашим миром и изучают нас. Кажется, что внутри них происходят явствен-

ные перемены – в зависимости от времени суток, угла зрения, освещения и даже числа присутствующих в помещении людей, с энергетикой которых соприкасается и взаимодействует их духовная энергетика. Или это сила воздействия таланта художника, раскрывающего перед нами одну за другой глубинные тайны мироздания?..

Не спит художник по ночам,
И вместе с ним не спят картины,
Где прикасаются к очам
В снегах сибирские равнины,
Где знойный воздух пирамид
Мелькнёт по сердцу ветром шалым,
Где лишь свеча во тьме горит,
Пронзая бездну жёлтым жалом,
Где льда дремучая гора
Плывет, на волнах отражаясь,
Где осень веткой со двора
К стеклу оконному прижалась,
Где в воздухе – поёт букет,
А звёзды – прорастают в небо!
Когда душа летит на свет,
Ее описывать нелепо...
Но прав настойчивый творец:
Он чувствует, как лягут краски,
И тысячу своих сердец
Он предаёт всё той же страсти.
Она, как стража на посту,

Из ночи в ночь его тревожит
И водит кистью по холсту,
Когда рука уже не может...

Англичане на Байкале

Эта история давняя, случилась она почти двадцать лет назад...

Поезд двинулся в путь, молоденькие улыбающиеся проводницы таскали и таскали англичанам Брайну и Филу Томлинсонам (отец и сын) стаканы с горячим чаем. Поскольку в русском поезде проблематично получить на завтрак классические британские яйца всмятку или английский омлет, девушки старались восполнить этот пробел улыбками и вниманием к не совсем обычным пассажирам купейного вагона. Кстати, оказалось, что сосед по купе – молодой сибирский бизнесмен Андрей, возвращавшийся из Ганновера, где он был по лесопромышленным делам, знает кучу разных анекдотов, баек и историй о быте сибиряков.

Стаканы из-под выпитого за завтраком чая очень дажегодились. Когда количество совместно истреблённого спиртного пересекло некую воображаемую черту, а традиционные «Черный ворон» и «В суровых степях Забайкалья...» были уже спеты, Брайн, спохватившись, внезапно посерьёзшел лицом и начал объяснять всем, что он не просто англичанин, и даже не совсем англичанин, и не англичанин даже вовсе, а свобододлюбивый уэльсец – потомок кельтов, коренных жителей Британских островов, и в подтверждение своих слов гордо затянул на шипяще-булькающем уэльсском языке

ке заунывную боевую песнь времен покорения Британских островов англосаксами. Всё это забавно смотрелось на фоне мелькающих за окном бурных сибирских речек, зелени лесов и сверкающих снегом горных вершин...

Заснули Брайн и Том с блаженными улыбками на устах...

Кто знает, быть может, в эти мгновения им снилось загадочное сибирское счастье, которое к вечеру следующего дня зашумело, захлопало ветром в огромных оранжевых парусах яхты «Медуза»...

Яхта пересекала Байкал. Рулевым стоял вахту Фил... Папаша Брайн и капитан корабля Александр копошились со снастями на носу судна. Только нескончаемый плеск волн да шелест парусов нарушал величавую тишину священного озера... Среди громоподобных гор объятых ширью небосводной – шумит, колышется простор неугомонный, многоводный. Над ним струятся облака, и расстилаются туманы, и в далеко из далека кочуют птичьи караваны... Песков поющих господин, штормов шалеющих радетьель – Он всюду властвует один, хватаясь брызгами за ветер и увлекая глубиной непостижимой и лукавой, вдруг истекает тишиной волны раскатисто-шершавой...

Наутро, проснувшись с головной болью, Брайн впал в хандру и, конечно, опять припомнил железнодорожные приключения предыдущего октябрьского вояжа на Байкал, когда он во время остановки на станции Лена увлекся поисками коньяка, совершенно упустив из виду то, что нахо-

дится в России, где время остановок, указанное в расписании, не всегда совпадает с реальным. Ну, и догулялся до того, что поезд внезапно ушел. На дворе – промозглая полночь с бешеным ветром и хлопьями снега. Привокзальный таксист, к которому он обратился на англорусской смеси языков, несмотря ни на что быстро сообразил, что от него хотят, и энергично замотал головой: «Да, вы что? Я не псих, чтобы в такую погоду гоняться за поездами!» На Брайне лица не было. «Я пропал! Всё пропало! Весь мир пропал!» – читалось в широко раскрытых глазах бедного пилигрима. Водитель, сжалившись над ним, на мгновение выглянул из окошка машины: «Вон там один псих таксует. Он поедет. Ему всё равно!» Псих, которому всё равно, рванул с места с такой скоростью, с какой вряд ли ездят гонщики по трассе Париж-Дакар...

Машинист поезда сообщил по линии, что за составом гонятся, сигналижая фарами, какие-то сумасшедшие «Жигули» первой модели. И, – о, счастье, поезд начал тормозить. Всё обошлось, не считая того, что проводница, впустившая бедолагу (это, естественно, был не его вагон, а первый попавшийся), тут же начала требовать с него, явившегося из морозной темноты в домашних тапочках с перекошенным от ужаса лицом, предъявления проездных документов, которые вообще-то лежали в этом же поезде в купе другого вагона...

Несмотря ни на что, та первая поездка оставила в душе уэльсского моряка (Брайн в молодости служил во флоте)

столь яркие и глубокие впечатления, что, прожужжав за зиму и весну сыну все уши об экзотической Сибири и батюшке Байкале, следующим летом он прилетел в Москву вместе со своим наследником.

Прибыли они в Россию разумеется бизнес-классом, как VIP-персоны. В Домодедово Брайн имел неосторожность задать невинный вопрос: «Эскюз ми, где находится зал для VIP-персон?» В ответ фурия в униформе работницы аэровокзала, празднично сидевшая за стойкой администратора, произнесла небольшой спич на родном русском языке, смысл которого в переводе на явно неродной но литературный заключался в следующем: «Многоуважаемые пассажиры! К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос, поскольку занята решением иных более неотложных задач. Загруженность аэропорта пассажирами столь велика, а интенсивность моего труда так высока, что я, к глубокому сожалению, практически не имею возможности помочь вам». В принципе, она действительно сказала именно это, только гораздо короче и в другой форме...

Корабль доставил своих пассажиров к заповедному берегу. «Хакусы» – так называется это место на берегу Байкала у подножья Баргузинского хребта. Вызволяя ноги из вязкого и мягкого нагретого солнцем песка, они двинулись по лесной тропе, ведущей вверх по звонко пахнущему смолистой сосной склону горы. На возвышении метрах в 500 от берега находились деревянные санаторные дома, в одном из кото-

рых был бассейн с проточной минеральной водой...

Брайн и Фил бодро сняли одежду в раздевалке и открыли дверь в бассейн. Оттуда их тут же обдало таким густым теплом паром, что они тут же эту дверь и захлопнули, отпрянув назад. Минут 15 англичане топтались в нерешительности. В это время другие люди спокойно заходили туда и выходили оттуда, вызывая тем самым явное смущение отца и сына, поскольку температура минеральной воды, как им кто-то объяснил, была около 47 градусов. Когда в очередной раз наружу бодро выскочили два чеха, оживленно болтая между собой, папа Томлинсон не выдержал и решительно распахнул дверь. Щупанье воды руками и ногами, засовывание и немедленное высовывание обратно конечностей заняло ещё 20 минут. В конце концов, они всё-таки окунули свои тела в целебную влагу минерального источника. И не пожалели об этом. Позже, в поезде, увозящем их из Северобайкальска, Брайн и Фил оживлённо жестикулируя, долго делились впечатлениями с улыбочивыми проводницами о том, какое же это замечательное место – «Хакусы».

После «Хакус» в Нижнеангарске их пригласил к себе в гости местный житель Володя: «Приходите в баньке попариться на дорожку». Они пришли, конечно. Фил, прежде в русской баньке не бывал и полагал, что это нечто подобное финской сауне. Брайн на этот счёт уже имел своё мнение, поскольку ходил в баньку и в первый свой приезд, а потому парилку посещать на этот раз не стал, но и сына ни о чем

не предупредил, хитровато поглядывая на двадцатилетнего дылду-отпрыска.

Парень впал в состояние ступора уже через секунду после того, как дверь парилки закрылась за его худющей спиной,. Из-за охватившего все его чресла жара он почти не дышал и совсем не шевелился: просто стоял, как вкопанный, и всё. Не шелохнулся и тогда, когда его начали нежно обмахивать и шлепать пахучим берёзовым веничком: только изо рта тонкими тягучими струйками стали свисать слюньки. В этот торжественный момент Фил являл собой прямое зримое толкование старинного русского слова «ошеломлённый», а его взгляд, безусловно, соответствовал термину «чумовой» или «очумелый». После бани было чудесное чаепитие на свежем воздухе, чай заваренный на волшебной ароматной байкальской травке «сархан-даля» привел Томлинсонов в полный восторг! По дороге в коттедж, где они остановились перед отъездом, оба вдруг надолго исчезли: огромная луна, повисшая над заснеженными горами и осветившая собой гигантское озеро-море привлекла их внимание. Получились ли те фотоснимки, которые они делали с таким упорством, облазив в темноте все окрестные горки в поисках наиболее эффектного кадра? Это уже неважно. Важно то состояние духа, которое они пережили и наверняка запомнили надолго...

Прощаясь с Брайном и Филом, глядя в их загорелые благодарные лица, мне вдруг подумалось: а ведь нам, сибир-

рякам, всё-таки есть чем гордиться! Никакие неудобства не смогли перевесить восхищения бывалых путешественников перед сибирской природой, её просторами и размахом, перед открытостью и доброжелательностью простых людей и их истинно сибирским хлебосольством.

Было много удивительных встреч, на память от которых остались у зарубежных гостей сотни фотографий. На них – просторы Енисея, Ангары и Байкала, сверкающие горы, тайга, русская баня, астафьевский домик в Овсянке, плотины Красноярской и Братской ГЭС и десятки улыбающихся сибиряков. И пусть нигде не нашлось ожидавшихся поначалу перегарных мужиков в фуфайках, с утра до ночи пляшущих «Комаринского», и не было шныряющих по улицам голодных медведей, не встретились нам и бровастые опереточные цыгане с гитарами, картинно поющие «Очи черные», зато – была Сибирь и был Байкал – настоящие, к которым хочется возвращаться снова и снова.

Дышит сердце под ребром: приезжайте к нам с добром, поделитесь серебром или золотом... Поболтаем, помолчим, вспомним женщин и мужчин, заслонимся от причин кофе молотым... Досидевшись до утра, выйдем в поле, где ветра: вьются искры от костра, пепел мается. Дождь затих. И сгинул гром. Только то, что под ребром, гулким эхом, всем нутром отзывается... Приезжайте к нам с добром...

Невидимые нити истории

Был у меня в юности один удивительно неутомимый приятель по имени Глеб Фалалеев. Дай Бог ему здоровья, через множество лет мы встретились снова и общаемся до сих пор. А тогда нас сблизили наши литературные увлечения. Но в этот раз речь пойдет не о них, а о событии, хранящемся в памяти моей вот уже четыре десятка лет...

Что же так поразило меня в ту пору, что задержалось в памяти на столь длительный срок, несмотря на величайшее обилие абсолютно других, порой чрезвычайно ярких событий, произошедших в жизни моей за миновавшее с той поры время? Как бы это проще объяснить?.. Попробую на примере.

С одной стороны для каждого человека существуют реальные события, наполненные реальными действиями и людьми, которых он лично видел, знал, с которыми общался. С другой стороны каждый достаточно грамотный человек из книг, из газет, в конце концов – из радио – и телепередач, имеет представление о людях и исторических событиях, происходивших в мире до него и касающихся персон, совершенно недостижимых для него в реальной жизни, хотя бы в силу разницы существования во времени и пространстве. Человек спокойно живет с четким осознанием невозможности встречи этих двух абсолютно разных миров.

И вдруг в реальной жизни происходит нечто, перечеркивающее этот сложившийся и осознанный стереотип мышления! И душа человеческая выходит из равновесия. Такое происходит очень нечасто, но все-таки происходит.

Так, например, жил я себе не тужил, со школьной скамьи имея определённое понятие о том, что существовал некогда на земле полярный путешественник Фритьоф Нансен, совершавший разные подвиги в суровых северных льдах. И умер он давным-давно, и в стране его, в Норвегии, я никогда не бывал, и, увы, возможно уже не буду. В общем: где я – а где он...

И вдруг однажды случайно выясняется, что для одной очень пожилой незрячей женщины по имени Галина Константиновна Назарова (в девичестве Востротина), которая многие годы посещала литературные занятия моей студии при библиотеке для инвалидов по зрению господин Нансен – вовсе и не Нансен даже, а просто дядюшка Фритьоф, потому как в начале XX века Нансен познакомился и подружился с родным дядей Галины Константиновны, Степаном Востротиным, пригласившим его в Енисейск. «Ничего себе дядюшка!» – подумал я тогда, потрясенно взирая на вполне реальную пожилую женщину, у родни которой имелись такие не совсем обычные друзья. В тот момент я вновь ощутил, что иногда время, представляющееся нам оторванным от реальной жизни фрагментом давней истории, может почти что соприкасаться с нынешней жизнью.

Вот случай вообще недавний. Ходили мы с женой в кинотеатр на премьеру фильма «Адмирал». Фильм посвящен судьбе А.В.Колчака и романтической истории его взаимоотношений с А.В.Тимиревой. В конце фильма рассказывалось о том, что Тимирева была на десятки лет репрессирована в советское время, выжила, дожила до 60-х годов и едва ли не участвовала в съемках фильма «Война и мир» Сергея Бондарчука. «Любопытный факт», – подумал я по дороге домой и не подозревая о том, что Тимирева, скончавшаяся в 1975 году, писала стихи и посещала в Москве то же самое литературное объединение, в которое ходил и один из моих знакомых! И они общались между собой, естественно. И тут опять: от истории далекой, как жизнь на Марсе, давней, как бы абсолютно ничем не касающейся лично меня, вдруг повеяло дыханием реальности...

Соприкосновение с историей через общение с живыми её свидетелями редко кого оставляет равнодушным. Помню, как, затаив дыхание, слушала наша студенческая аудитория в Ленинграде конца 70-х годов, писательницу и переводчицу Риту Яковлевну Райт-Ковалеву, дружившую с Лилей Брик и рассказывавшую нам о Пастернаке и Маяковском не как о бронзовых памятниках давно минувшей истории, а как говорят о близких, дорогих людях – о Володе и Боре. При этом, когда она говорила о Боре, мы слышали, как дрожит её голос. Это был голос сквозь слёзы. Так говорят только об очень близком...

Итак, возвращаясь к своему давнему приятелю Глебу Фалалееву, должен сообщить его незаурядная личность всегда была колоритной...

В середине семидесятых годов прошлого столетия мы были старшеклассниками одной из бакинских школ. И однажды Глеб привез меня в поселок Разино, где жила та самая удивительная пожилая женщина, о которой приятель уже прожужжал мне все уши. Звали её Рашель Владимировна Прус.

Сколько ей было лет в ту пору, не берусь утверждать. Но при всем этом её память поразила меня. Дело в том, что Рашель Владимировна, которая за столом, накрытым белоснежной скатертью с кружевами, угощала нас чаем с вареньем из изящных розеточек, была соседкой по квартире Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской в период их дореволюционной швейцарской эмиграции!

Рашель Владимировна прекрасно владела французским и немецким, и памятью о своей ранней тюности. Она продемонстрировала нам письма знаменитого французского писателя Анри Барбюса. Их было немало, переписывались Рашель и Анри довольно долго.

Как известно, Ленин писал о нем: «Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого, массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса: «Le feu» («В огне»)

и «Clarke» («Ясность»). Анри Барбюс до самого конца жизни собирал материал для большой биографии В. И. Ленина, но так и не успел завершить эту работу. Барбюсом совместно с А. Куреллой было составлено предисловие к французскому изданию ленинских «Писем к родным», опубликованных в 1936 году. Самого писателя к тому времени уже не было в живых.

30 августа 1935 года во время поездки в СССР при довольно туманных обстоятельствах он скончался. Впрочем, внезапной кончиной в те времена теперь вряд ли кого можно удивить. Наслышаны.

Вот и отец Рашель Владимировны, заразившийся революционными идеями часовых дел мастер, после революции вернулся в Россию, видимо, полагая, что партия учтет его эмигрантские заслуги и личное знакомство с вождем мирового пролетариата. «Канэшна», учли! Прус был арестован и умер в тюрьме. Вдруг как-то сразу сильно заболел и тут же скончался прямо в камере. Понятно – почему так внезапно болели и умирали тогда? Понятно: увы, не все выдерживали пытки и доживали до суда.

Дядю Володю и тётю Надю Рашель Владимировна помнила довольно хорошо. На Циммервальдской конференции, случившейся 5 – 8 сентября 1915 года, в зале, где проходило собрание, было душно и жарко. Маленькая Рашель, сидевшая на коленях у дяди Володи, норовила улизнуть от него при всяком удобном случае. Конечно, мы поинтересовались

почему. Женщина ответила просто, не по-революционному: от дяди сильно разило пивом, он был раздражен, много говорил и много пил. Для нас, вчерашних правоверных пионеров представить себе вождя пролетариата в поддатом состоянии, так, чтоб разило вокруг — это был шок. Но перед нами сидела живая свидетельница той самой партийной конференции в Циммервальде! Человек, рассказывающий не с чьих-то слов, а очевидец!

Действительно, Ленину пришлось много говорить. Дело в том, что, как напишут позднее: «Конференция, которая ставила себе целью объединить все революционные элементы социалистического движения, оказалась далеко не однородной по своему составу...» В общем, у Ильича были проблемы.

Вообще, жизнь Ульяновых в Берне, складывалась не очень удачно. 5 сентября (по старому стилю 23 августа) 1914 г. Ленин выехал в Берн и переехал в Цюрих в феврале 1916, где жил до апреля (по старому стилю до марта) 1917, то есть до самого отъезда в Россию. По сравнению с низкими ценами и дешёвой жизнью, к которой Ульяновы привыкли в Польше в 1912—1914 годах, бернские цены времен первой мировой войны просто удручали. Жили они чрезвычайно скудно, довольствовались простой одеждой и обстановкой. В швейцарской экспозиции музея-квартиры представлены предметы, принадлежавшие тогда В. И. Ленину и Н. К. Крупской: чернильница, стакан с подстаканником, ложечка для

заварки чая, столовые ножи... Основным средством существования для Ульяновых служили литературные заработки, но политические антивоенные статьи и книги в то время не то что продать – даже издать было не очень просто. Ленин писал: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем».

Здесь же, в Берне, скончалась теща дяди Володи, которую супруги пытались лечить. Одним из местных адресов Ульяновых был Диетельвег, 11...

Крупская вспоминала, как они с мужем побывали однажды в Берне на спектакле по пьесе Л. Толстого «Живой труп»: «Хоть шла она по-немецки, но актер, игравший князя, был русский, он сумел передать замысел Л. Толстого. Ильич напряженно и взволнованно следил за игрой»

Это был достаточно редкий случай, обычно же дяде Володе не нравились пьесы, на которые они ходили, и после первого же действия Ульяновы покидали зрительный зал. Супруга вождя с иронией и сожалением пишет: «Над нами смеялись товарищи, – зря деньги переводим.»

Кстати, позже, именно туда, в Берн, по регулярным сообщениям русской разведки (есть документы и по этому поводу, но буду их здесь приводить: слишком много и скучно) неоднократно приезжал Ленин из Цюриха для тайных встреч в германском посольстве...

Рашель Владимировна оказалась чудесной гостеприим-

ной женщиной, нисколько не озлобившейся на судьбу, несмотря на то, что жизнь прожила тяжелую до чрезвычайности. Помню её улыбку и слова о том, как довелось ей в конце жизни вновь посетить места своего швейцарского детства. На швейцарской границе один из служащих на всякий случай, не надеясь ни на какой ответ спросил её: «Шпрехен зи дойч?» Старушка улыбнулась и бодро ответила: «Натюрлих!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.